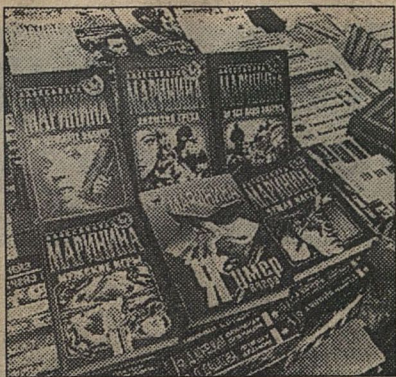

Если место встречи изменить нельзя, то и не надо

Русский детектив Александры Мариной против Конан Дойла

Который месяц подряд в книжных лавках лидируют произведения Александры Мариной, а ее роман «Стилист» удостоился похвал от серьезных литературных критиков в серьезных изданиях. Нас призывают не быть снобами и воздать должное уму и перу Мариной, «в миру» подполковника милиции Марины Алексеевой, которая до сих пор продолжает служить в НИИ МВД.

Ходят слухи, что сегодня она один из самых высокооплачиваемых авторов в России, будоражит воображение гипотетическая сумма гонорара за каждую книгу — 50 тысяч долларов. Очевидно, однако, что успех налицо: в выходных данных почти всех произведений Мариной значится «дополнительный тираж» — сладчайшая музыка для любого автора.

Издатели Мариной ставят себе в заслугу, и небезосновательно, русификацию русской культуры. Даже если речь идет о таком ее скромном секторе, как детектив, триллер, вообще чтиво, они правы: в последние два-два с половиной года первые строчки рейтингов раскупаемости занимают только отечественные авторы, оттеснившие, а то и вовсе вытеснившие иноязычных конкурентов. Милорды глупые успешно преобразились в глупых товарищей и граждан, Лолиты и Джоны — в Наташ и Василиев. Или, на худой конец, в Бешеных. Продавцы попали в десятку — в покупателя. Массам «обрусение» масс-культура нравится.

Романы Александры Мариной, конечно же, вне эстетики: вялое письмо, неумение работать с сюжетом, композиционный хаос, клишированный язык — все доблестно тут как тут. Трудно назвать детективом произведение, в котором автор не заботится о непрерывном для жанра «саспензе» — напряженности интриги: в «Стилисте», например, первая настоящая приманка появляется лишь после сотой страницы, а в «Мужских играх» отработке ложных, неправдоподобных и скучных версий отдан целиком первый том. Впрочем, если относиться к книгам Мариной как к мильной опере с элементами криминального и женского (!) романа, то и разговора нет. То есть на нет и суда нет.

Но чем же тогда берет аудитория массового читателя? А «нашестью». Она и ее сквозная героиня Настя Каменская — наши до мозга костей и запаха позавчерашней капусты. Более того, в оп-

ределенном смысле Мариной — типичная представительница и жертва советской литературы, для которой идея — все, а форма — ничто. Главная героиня Мариной и ее коллег по жанру не самодостаточный сыщик наподобие Шерлока Холмса, но сотрудница угрозыска, винтик официальной властной структуры, чиновник на госслужбе. Что не случайно: настоящий частный детектив, личность автономная и ответственная, может вырасти только в том обществе, для которого ценность отдельного человека во всяком случае не ниже ценности общества в целом. Но что дозволено англичанину Конан Дойлу, воспитанному на Хабас корпус (закон о неприкосновенности личности), то не по зубам автору в России, где люди только-только начинают учиться быть чем-то большим, нежели деталь безразличного к ним исторического ландшафта.

Герои Мариной — скорее функции, чем личности, хотя романистка и пытается придать им живые черты. Ну, скажем, Настя Каменская чуть ли не патологически ленива: ни обеда мужу приготовить, ни носки постирать. Что ж, прием испытанный и надежный: Шерлок Холмс терзал соседей игрой на скрипке и принимал кокаин. Но как только дело доходит до дела, сыщик Каменская преобразается в передовика соцсоревнования... то есть в истового трудоголика. Продуманное снижение образа до уровня узнаваемости: Настя живет в однокомнатной хрущевке у кольцевой автодороги, до работы добирается на метро. Но при этом владеет несколькими европейскими языками (Мариной трогательно перечисляет, какими именно) и пользуется помощью матушки, живущей светской международной жизнью, и брата — удачливого банкира. Она — как все, но и чуточку не как все. Изюм в булке наличествует. Правда, булка отсутствует.

Александра Мариной как автор и Настя Каменская как герой — вполне на уровне советской бытовой мифологии. Женской, к примеру: я не красавица, но вот будет у меня суперкосметика и одежда — гадкий утенок мгновенно превратится в белоснежного лебедя. Однако это безобидно. Гораздо интереснее — миф о бедности советско-российской милиции. Зарплата жалкая, машина у коллеги на ладан дышит, из своих кровных приходится отстегивать экспер-

там-криминалистам, чтобы ускорить следствие... Потому-то и эффективность милицмейской работы — увы. Вот, оказывается, в чем дело. И это — из романа в роман.

А деликатность следователей? В «Стилисте» падающая от усталости героиня стесняется присесть на велюровый диван в доме подозреваемого и в его присутствии, потому что у нее джинсы не первой свежести, и пристраивается на корточках в коридоре. Не хочу сказать ничего дурного о стражах порядка, но, честное слово, мне тоже хотелось бы жить в той стране, где есть такая милиция.

И из романа в роман — плохие, дурные, безответственные журналисты. Журналисты. Сволочи. Охотники за жареным. Провокаторы. Алкоголики. Так, черт возьми, мешают следователям. Если б не они. Так и подмывает сказать о свободной прессе как о одном из главных элементов гражданского общества и правового государства, но тутчас спохватываешься: Мариной ведь не о прессе, а об отдельных ее представителях. Ведь кое-кто и кое-где у нас порой — не так ли?

«Когда тайваньско-тайландского хлама стало навалом, когда покупатель понял, что это хлам, он повернулся к хламу отечественному — привычному» — эта, быть может, небесспорная сентенция моего приятеля что-то объясняет в феномене Мариной и ей подобных. Однако «старые песни о главном» адресованы вовсе не той возрастной категории, за которой будущее. Ностальгия только кажется всеобщей. Ностальгический фундаментализм — зарыться головой в песок из отвращения к меняющемуся миру — явление реальное, но вряд ли продолжительное. «Дураки с мороза» выходят из моды, как уже вышли из жизни. Эта жуткая жизнь за окнами вызывает к динамичному сюжету и выверенной форме, к небанальному юмору (качество, напроочь отсутствующее у большинства отечественных детективщиков) и скепсису. А если место встречи изменить нельзя, то и не надо. Эй-Бого, не надо.

Александра же Мариной и ее коллеги мы — не снобы и не эстеты — должны в него поклониться: они возвращают читателя в книжные магазины и не позволяют «пиллу» забывать русские буквы. Быть может, кто-нибудь из них и вспомнит: «П», «У», «Ш», «К», «И», «Н». А вдруг?

Юрий БУЙДА.